

лением объективных изменений, происходящих в международных отношениях.

Как явление этого порядка — она положительный элемент, который следует справедливо оценивать во всей его важности и использовать для разрядки международной напряженности и упрочения мира между народами».

Французская печать опубликовала заявления многих виднейших писателей Франции, приветствующих поездку Н. С. Хрущева во Францию.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ЖОРЖ САНД

Значительная часть писем Жорж Санд — а она вела весьма интенсивную переписку — является собственностью частных коллекционеров и нигде не публиковалась.

Еженедельник «Леттр франсез» напечатал одно из ее неизвестных писем, датированное 30 декабря 1850 года. Адресовано оно французскому актеру Пьеру Бокаж. В этом письме идет речь о требовании цензуры изъять из драмы Жорж Санд «Клоди» острые политические моменты и тем самым придать пьесе совершенно иное звучание.

«Мой друг, — пишет Жорж Санд, — я крайне удивлена характером поправок, которых требует цензура. Мне казалось, что, показывая

рядом с плохим богачом Дени Ронсья хорошего богача (мадам Роз), которой расточаются похвалы и выражается симпатия, вполне ею заслуженные, я буду гарантирована от упреков в пристрастности. И так как ни один богач не считает себя плохим человеком, я не понимаю, кто мог принять на свой счет упреки, адресованные Дени Ронсья. Там вовсе нет социализма; там простая и понятная мораль. Дени Ронсья — не олицетворение богача, виноватого только в том, что он богат. Этот вопрос совсем не затрагивается. Думается, эта мысль даже не приходила мне в голову. Дени Ронсья — человек, который жертвует любовью и данным словом ради лени и боязни быть вынужденным работать. Пусть эпитет «богатый», если его понимают в плохом смысле, будет изъят в нескольких местах; от этого совсем не изменится развитие действия пьесы. Например, вместо «убирайся... и т. д., злой богач, ты мне не нужен», поставьте: «злой христианин, не надо мне тебя». Вместо: «тем лучше для тех, кто принимает за счет других», поставьте: «тем лучше для всех». Это будет не совсем правильно, так как богатые крестьяне, фермеры хотели бы, чтобы хлеб был дороже. Но они просчитываются — когда хлеб дешев, они вознаграждают себя количе-

ством. Я сделаю все что угодно, только не буду лгать».

Вот тирада, которую хотят изъять как вводный эпизод и которую я считаю основным моментом для понимания смысла пьесы: «Сноп колосьев, ты заставляешь сесть и выпадать волосы, ты сгибаешь спины, ты ослабляешь колени, ты сушишь кровь бедняка. И бедняки умирают в нищете после того, как выращивали и собирали хлеб для других. Бедняки работают в течение 80 лет для того, чтобы из милости получить сноп, который, может быть, послужит им подушкой; на ней они умирают, отдавая богу свою бедную усталую душу. Это значит, что есть плохие богачи, Дени Ронсья. Я хочу сказать только это».

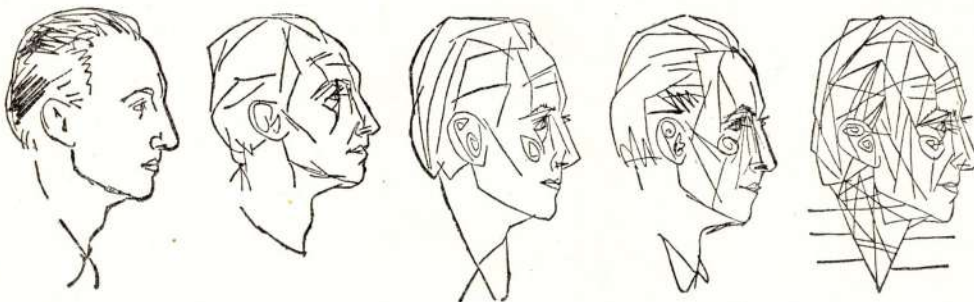
Я в самом деле не понимаю, почему здесь находят какой-то политический намек... Может быть, стоит изменить несколько слов, которые ранят чувствительность, на мой взгляд, слишком болезненную? Пусть, если хотят, уничтожат слова «для других» и поставят на их место: «Выращивают и собирают хлеб, посланный богом».

Вместо «бедняки работают... умирают в нищете» — «бедный человек, как я, работает 80 лет и умирает в нищете». Вместо «Оставьте меня; есть богачи, отнимающие у бедняков

В Париже вышел в свет сборник стихотворений Поля Элюара, иллюстрированный большим количеством фотографий, а также рисунками Пабло Пикассо.

На снимке: «Пять этапов портрета Элюара» работы Пикассо.

(Еженедельник «Экспресс»)

Молодой французский режиссер Жан-Клод Боннардо поставил фильм «Моранбон». Этот фильм, снятый в Корейской Народно-Демократической Республике, рассказывает историю двух корейцев — девушки и юноши, разлученных войной и вновь встретившихся после перемирия. Сценарий первого франко-корейского фильма написан французским писателем Арманом Гатти. По сообщениям парижской печати, позднее фильм был запрещен французской цензурой.

(Газета «Либерасьон»)

больше чем жизнь, они отнимают у них честь», поставьте: «есть люди, которые отнимают у своего ближнего больше чем жизнь, они отнимают у него честь»... Вместо «О! Сноп — подушка бедняка» поставьте: «О! Сноп — мой смертный одр».

ЮГОСЛАВИЯ

ТЕАТРЫ ТЕРЯЮТ ЗРИТЕЛЕЙ

Останавливаясь на проблеме современности репертуара, театральный критик

газеты «Борба» Слободан Селенич отмечает, что публике больше всего интересуется современная драматургия. «Если подходить к этому вопросу формально, — продолжает критик, — то в белградских театрах все как будто бы обстоит благополучно: пять из девяти пьес, поставленных в этом году в Белграде, написаны современными югославскими драматургами. Однако репертуар белградских театров словно создан для того, чтобы обмануть надежды публики. Номинально он составлен из современных югославских пьес, которые в действи-

тельности не являются ни современными, ни югославскими». Так, одна из пьес, по словам критика, представляет собой «рецидив прошлого»; другая, которая считается исторической и национальной, не является ни тем и ни другим; третья не имеет никакого отношения к Югославии ни по теме, ни по месту действия и т. п.

«Все это не то, — пишет Селенич, — что мы надеялись увидеть в театре, когда бурно обсуждали вопрос о постановке современных югославских пьес.

Учитывая, что в данном случае дело не только в неправильном выборе пьес, но и в том, что их сравнительно мало, кризис репертуара можно было бы охарактеризовать как кризис драматургии... Кризис популярности театра становится все острее, а мы спокойно продолжаем ставить волнующие драмы о девушках с Пятой авеню и намереваемся поставить «Выпускников» из Франции (а не «Выпускников» из Югославии) и еще удивляемся, как и почему театры теряют зрителей. Хотя с тех пор, как существует театр, люди приходят в него, чтобы увидеть себя и свои проблемы.

Не вызывает сомнений, что пьеса, в которой бы говорилось о проявлениях бюрократизма, или пьеса, в которой бы отмечалась лживость морального импорта с Запада, были бы приняты публикой и имели бы успех, что совсем не удивительно...»

